

Когда цирк плакал

ДАЖЕ в тот день, когда он умер, мы смеялись. Телевидение показывало "Бриллиантовую руку", и все опять хохотали, ну это же невозможно было не хохотать, кто ж удержится, это же так смешно!..

Он любил, когда смеялись. Так что все правильно. Он любил читать на ночь книги, раскладывать пасьянсы, ходить в гости, водить машину и петь песни.

Любил остроумных людей, анекдоты, выходные дни, собак и котлеты с макаронами. Любил московские улицы, освещенные закатом. И еще, наверное, много всего другого, но постеснялся написать: "Я люблю детей" - это было бы пафосно, а пафосно он как раз не любил. Поэтому про самые главные свои любви не написал. А может, просто не вспомнил об этом в тот момент, когда писал книжку о своей жизни. Люди иногда не вспоминают что-то очень важное в нужный момент. В нужный момент в голову лезет второстепенное, а важное настигает потом, исподтишка. Важное часто застает нас врасплох.

... Мы вас любили, Юрий Владимирович. Мы вас любим.

Фото Бориса Кремера

Минута смеха продлевает жизнь человека на один день.

Юрий Никитин

"Прикинув в уме, я подсчитал, что в цирках всей нашей планеты едва ли наберется пятьсот клоунов..."

Ю. Никулин, "Почти серьезно..."

Когда цирк плакал

Окончание.
Начало на с. 1 "АиФ"

ТЕ ЛЮДИ, которые в понедельник и вторник пришли к цирку, где никто не смеялся, а он лежал на манеже (цирковых всегда провожают на манеже, это такая традиция, сказала нам заплаканная билетерша, если бы он был только директор, то все происходило бы в кабинете или холле, но он же был цирковой клоун), - они тоже ловили себя на каких-то очень второстепенных мыслях о внезапно вернувшейся в Москву жаре, о перекрытом метро "Цветной бульвар", о том, что очередь длинная, а кто-то норовит пролезть в обход... Такой житейский, живой хлам лез в голову, а когда люди вспоминали, что он умер, им становилось стыдно, они подносили к глазам платки и начинали шмыгать носами, чтобы оправдаться. Но он бы, наверное, сказал им, что они ни в чем не виноваты, все в порядке, и рассказал бы пару анекдотов по случаю.

Всех удивляла его доброта. И если вдуматься, то ведь кому-нибудь совсем постороннему это могло бы показаться странным - как будто мы все, остальные, привыкли жить в джунглях, в каких-то хищных резервациях, и он один был добрым среди нас. Но дело в том, что его доброта была особенной. Это же обычно не врожденное, а приобретенное качество. Дети первобытно жестоки, они кричат по ночам, чтобы выжить. Чудовищно жестоки подростки, они оттачивают на родителях характеры и ранят больно, до слез. И только уже совсем вырастая, уже утвердившись в

жизни, завоевав ее для себя, люди приобретают навыки доброты. Другие, очень добрые от рождения, робкие и мягкие - такие родственники ангелов, потерявшихся на Земле, - с годами, наоборот, озлобляются. И все, таким образом, к середине жизни достигают усредненного уровня доброты - не опасного ни для окружающих, ни для себя. А у него была доброта - как дар, как талант, как константа. И глаза к старости стали только мудрее.

Он прожил жизнь и объяснил, что добро необязательно должно быть с кулаками, можно без. И просто что добро может быть - в таком чистом виде. Он и еще несколько самых лучших, тоже ушедших недавно, - они, пока жили, уравнивали тут соотношение добра и зла, и мир сохранял равновесие. Когда и его не стало - стало страшно, что нарушается баланс, показалось, что мы вот-вот рухнем. Потому теперь так неуютно, шатко.

А он не любил неуютя. Не любил рано вставать, стоять в очередях, ходить пешком, отвечать на дурацкие вопросы на улицах: "Скажите, это вы - Никулин?" - "Скажите, Никулин, как дела?" - "Никулин, а почему вы стали клоуном?..." - а кем он еще мог стать, если даже классный руководитель отчитывал его маму, что сын ведет себя в школе, как клоун?... - в общем, он этого не любил, но старался быть вежливым. Не любил, когда его обманывали и когда в Москве наступала осень. И так далее. Но больше всего он не любил - и даже боялся - очень серьезных, не улыбкающих людей. Когда он был клоуном, ему даже снились страшные сны: что он выхо-

Фото Бориса Кремера

дит на манеж, работает - и никто не смеется. Даже дети. Наверу такого никогда быть не могло.

...К сожалению, он тоже, как все, кто жил, - умер. И, вероятно, вскоре расскажет последние анекдоты про новых русских Окуджаве и Гердту, и они посмеются.

Яна ЗУБЦОВА